

Лоза Ю.

12/11/87

НА СМЕНУ
г. Свердловск

44 НОЯ 1987

В КОНЦЕ октября на концертных площадках Свердловска по приглашению творческого хозрасчетного объединения «Контакт» выступал московский автор и исполнитель Юрий Лоза. Ему тридцать три. Он уже тринадцать лет на эстраде, работал в таких известных группах, как «Спентр», «Интеграл-шоу», «Зодчие». Имя Юрия Лозы стало известным благодаря его кассетным альбомам, первый из которых — «Примус» — вызвал в свое время полярные, неоднозначные оценки. Подобные оценки прозвучали в нашей читательской почте и после недавних концертов Ю. Лозы.

Какой же на самом деле один из сегодняшних лидеров молодежной культуры? Попробуем разобраться вместе.

— ...А давай в шахматисти-
ки?
В глазах — бесики, а на губах блуждает лукавая улыбка армарочного пройдохи, с которым всегда надо быть настороже: того и гляди, цветы окажутся бумажными, карты — краплеными, а деньги — фальшивыми. До следующего концерта еще добрых три часа, и самое бы время потратить их на разговор — отнюдь не светский, не беззаботный. Поскольку и вопросы, и сомнения, и загадки шлейфом тянутся за ним с первых же выступлений в Свердловске и настоятельно требуют своей расшифровки. Поскольку трудно объяснить с позиций обычной логики феномен его потрясающей «неформальной» популярности (без рекламы и без афиш битком набивались залы на всех двенадцати концертах) и непроститан успех его четырех кассетных альбомов.

А он опять ловко уходит от ценных тисков пристрастных расспросов, прячется за ширму беззаботного трепана с обезоруживающей непосредственностью простака, предлагает скоротать время за шахматами: мол, попробуй расколоть этот хитрый орешек — «Юрий Лоза» — между делом, между прочим, между «e2—e4».

Черные и белые фигуры ровными шеренгами выстраиваются друг против друга. У ног закипает от нетерпения электрочайник. Ну, поехали...

Был летний вечер. В горячем воздухе взбивалось пряное смешение звуков и запахов: собственное, наивное, только городским июньским вечерам: остывает асфальт, дурманит разбухивающая сырость, из открытой оной — «Миллион, миллион, миллион алых роз...», в праздной толпе — «Слышали, как наши вчера португальцам проиграли?» или «Какой он ей мужик! Да они только вчера...» И была скамейка в небольшом сквере, вокруг которой «прибланившиеся» девушки и рыже-перышковые парни выписывали рок-н-ролл. Дешевый кассетник хрипел: «Это не капризы и не принцип. Мама-ма, не могу без джинсов! А если их не купили, мама, зову прямо...» И все хором, заглушая запись: «Завтра я из дома убегу!».

Так впервые четыре года назад я услышал «Примус», как и все считал, что это название группы, причем группы подпольной, гонимой, непризнанной. Хотя, если разобрать-

ся, то запретного и крамольного в песнях этого рока обидно было не больше, чем в бытовых зарисовках Высоцкого, фельетонах Кольцова или рассказах Зощенко. Все зависит от угла зрения и чувства юмора: перестраховщик наверняка угадет в них культ мещанства и пошлости, здравомыслящий без труда распознает критику и сарказм. Но «Примусу» тогда пришлось лихо.

Редкая публикация о проблемах отечественного рока обходилась в те дни без критики этого альбома. Даже отчаянно панкующему «Майку» Науменко с его «Зоопарком», даже изысканно-философствующему Гребенникову или резко-агрессивному Кинчеву доставалось, пожалуй, меньше. Одна «Девочка в баре» чего стоит. Это спустя несколько лет заместитель министра культуры в передаче ее «сатирической и полезной», это значительно позже ей спешно придумали новый жанр — «рок-фельетон», а тогда...

А тогда еще никто не знал и не ведал, что «Примус» в латинской транскрипции обозначает «первый» и настоящее название альбома «Путешествие в рок-н-ролл», что подпольной группы нет и в помине, что автор текстов и музыки, исполнитель почти всех вокальных и инструментальных партий один. Его имя — Юрий Лоза.

— ...Не зевай, сейчас я «съем» твоего слона, а мне такие подарки не нужны.

— «Слона! Пол-царства за слона...». Кстати, а почему ты ушел из «Зодчих»?

— Потому что устал. Потому что мне уже тридцать три, и я хочу заниматься своим сыном. Хочу получать нормальный авторский гонорар за свои песни, а не десять рублей за концерт, как «артист» вокально-инструментального жанра высшей категории.

— Тебе не хватает денег?
— А тебе хватает? Ты знаешь, что такое «раскрутить шлягер», что существует, например, «правило четырех ударов»? Ты знаешь, что такое бесконечные гастроли, дешевые гостиницы, плохая аппаратура?

красного и недоступного Храма Искусства, кроме парадного крыльца, есть и свой «черный ход», где громко хлопают двери, куда выносят отживший и отслуживший режиссер и раздоров. Именно такую дверь и готов приот-

го пассажира, каждой интонации — как даек он в лучших своих песнях от того разбитного и нарочито приземленного малого, как преподносит себя со сцены, каким старается быть за кулисами.

Не давая расчувствовать-

— Шах! Ваш ход, маэстро...
— Вот такую игру я люблю — чтобы авантюрные размены, чтобы непредсказуемые комбинации. В игре должен быть азарт, а не расчет.
— А в музыке? Вот, например, когда ты записывал «Тоску», у тебя была депрессия, душевный кризис, какие-то разочарования?
— Вряд ли. Просто подобралось несколько песен, схожих по настроению, по темпераменту. Вот я и «сбил» их в один блок.
— Ну а «Любовь, любовь, любовь...»?

— Послушай, в последний раз я влюбился пять лет назад в свою жену и влюбляюсь до сих пор. И, кстати, песня «Стерва» написана по ее прямому совету и к моей супруге никакого отношения не имеет. Пойми, я профессионал, и то, что я делаю, о чем пою, совсем не обязательно должно соответствовать моим личным ситуациям.

— Во время твоих выступлений в Свердловске произошло слышать, что «Лоза фамильярен», что «он работает на публику»...

— А для кого я должен работать? Я и выбираю такой стиль общения, такой язык, чтобы быть проще и понятнее. Разве плохо быть самим собой?

— Что-то вроде «Музыкального ринга»?

— Отнюдь. Мне категорически не нравится такая форма творческого диалога. Почему «ринг», почему я должен «боксировать» со своим зрителем? И еще мне очень жаль тех, кто задает вопросы. Бедная девочка десять раз перед зеркалом его отрепетирует, все платя перемеряет, прежде чем отважится спросить: «А как вы считаете?». Ходи.

Мы сыграли с ним, шесть партий. Мы пили кофе, травили анекдоты. Мы играли в шахматы, а мне все время казалось, что в какую-то иную, ведомую лишь одному Лозе игру, в которой главное правило: найти в темной комнате черную кошку. Понять и распознать то, что трудно поддается объяснению. Ровно за десять минут до начала следующего концерта он поднялся и пошел за кулисы. Без распевок, без репетиций — безоглядно веря в свой голос, в свои пальцы, кстати, истертые в кровь (знайте и об этом) после коротких гастролей в Свердловске. Он отправился веселиться и печалиться зритель, щедро пересыпая два часа концертного времени неприличными для слуха откровениями и более чем смелым юмором.

Мне не всегда понятен он. С ним иногда трудно согласиться. Но вот уже четвертый год я беру гитару и пою его песни. Для себя и для друзей.

И. ДУБРОВКИН.

ЧЕРНАЯ КОШКА В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ, или Шесть партий с Юрием Лозой

О рецептах «эстрадной кухни» он с легким сердцем рассказывал и на своих концертах. «Четыре удара» — это четыре самые популярные музыкальные телепрограммы вроде «Утренней почты» или «Голубого огонька». Если песня попадает в них, значит, ей практически гарантирован успех, обеспечено признание. Есть шанс, что ее примут к исполнению другие солисты, другие коллективы. А это — солидные отчисления в фонд автора. Локная стыдливость здесь неуместна. Труд артиста должен вознаграждаться. Все так.

Когда-то Лоза прогнозировал для удач своих шлягеры «Зима» и «Заповедные места». Сорвалось. Теперь вот поставил на «Плот» — сделал новую аранжировку, более качественную перезапись. Сейчас готовится к «раскрутке» этой, в общем-то уже давнишней, песни. Другой вопрос: надо ли посвящать в секреты закулисной жизни зрителя, надо ли сообщать ему с точностью до рубля размер гонорара, скажем, Юрия Антонова за «Прыжок дома твоего» или Владимира Шаинского за «Песенку крокодила Гены»? И неужели каждого из нас просто фатально тянет к заветной замочной скважине, чтобы хоть глазком, хоть ненароком взглянуть: как там у них, у «звезд»?

Лоза считает: да — всем, да — каждому. Стало быть, и не надо утаивать от публики суть простых и земных артистических проблем. У пре-

крыть для нас этот парень с гитарой. Именно сюда готов провести он нас — тайком и тишком.

Мы и правда хотим этого? — ...«Скажите, Юра, а есть в вашем репертуаре что-нибудь наше, родное...» — обдумывая следующий ход, бормочет он себе под нос с тем характерным картатавым акцентом, которым мой сосед по лестничной площадке Абрам Борисович всегда интересуется погодой на завтра.

Это из второго альбома «Для друзей». Эпиграф к скандально известной песне про деревню Клюевку, написанной «на спор», под Есенина. Тот второй альбом вообще был густо начинен подобными солеными шутками. Сленг граничил с откровенной бульварщиной, острые социальные ситуации, характерные для «Примуса», грешили мелкотемьем, а многие сюжеты стали обычным перепевом прежних находок. Но было там и другое.

Была пронзительная лирика нескольких песен, за которыми робким промельком высветились и страдания, и боль, и горечь. Мы узнали вдруг, что не только смеяться, хохмить и зубоскалить умеет Лоза — он умеет и плакать. В тех песнях было главное — живая душа. Которой прощается и несовершенство рифм, и безыскусность мелодий, и незатейливость музыкальных форм. А затем последовали «Тоска» и «Любовь, любовь, любовь...» — самые зрелые, самые отточенные и выстроенные его работы.

Когда он только брал первые аккорды из песен этих циклов, зал оживал аплодисментами, узнавая по начальным тактам и «Сто часов вдвоем», и «Я умею мечтать», и «Зиму». Высокий, сильный голос, безупречное владение гитарой, неуловимая проникновенность канцо-

сы, растрогаться сверх меры, он, словно сознательно, сбивал едва наладившийся душевный строй концерта необязательной болтовней, бесхитростными анекдотами, «светской хроникой» из жизни эстрадных «звезд». Лишь однажды, мне показалось, он посерьезнел и перестал ерничать, когда речь зашла о Высоцком.

И он вспомнил лето 80-го. Анапу, гастрольное турне и оглушительную весть о смерти человека, которого не знал лично, но который значил для него куда больше, чем многие из тех, что были рядом, на виду. И вспомнил песню «Наливай еще по одному — ведь он не выпел, он совсем ушел...», написанную в тот роковой день. Песню, которую, несмотря на видимые сегодня огрехи, он не перекраивает и не шлифует, сохраняя в ней остроту далекой, но до сих пор не заживающей нашей общей раны.

И почти тут же, будто спохватившись, рассказал потешную байку о своем знакомце из Черновцов Коле Залетове, специализирующемся на эстраде «под маской» Николая Златковича, «певца из Югославии». Спел песню, которую якобы написал для него — русскую песню с иностранным акцентом. Забавно, но не более того. И снова вопрос: где же он настоящий, где же истинный — десять минут назад вспомнивший то давнее, горько-памятное лето или сейчас, веселящий публику очередным дурашливым номером?